

ФИЛИП ЗИГЛЕР
ЦЕРНАЯ
МЕРТЬ

КАК ЭПИДЕМИЯ
ЧУМЫ ИЗМЕНИЛА
СРЕДНЕВЕКОВУЮ
ЕВРОПУ

Филип Зиглер
Черная смерть. Как
эпидемия чумы изменила
средневековую Европу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69803884

Черная смерть. Как эпидемия чумы изменила средневековую Европу:

ISBN 978-5-9524-5977-9

Аннотация

Книга британского историка и писателя Филипа Зиглера представляет собой исследование распространения Черной смерти, или чумы, на территории средневековой Европы. Автор пишет об истоках и причинах возникновения мора, процессах и способах его передачи, заражения. Рассматривая и сопоставляя множество свидетельств средневековых хронистов и работы по изучению эпидемии более поздних историков, Зиглер в своей книге характеризует состояние медицины, предрассудки общества того времени и ту роль, которую сыграла «великая чума» на экономическую и социальную жизнь Европы.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Филип Загер
Черная смерть
Как эпидемия
чумы изменила
средневековую Европу

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2023

Предисловие

Несмотря на то что возможны различные точки зрения в отношении точного определения того, какую роль сыграла Черная смерть в экономической и социальной жизни Европы, никто в наши дни не станет отрицать, что она была исключительно важна, а процесс распространения эпидемии чрезвычайно драматичен. Тем удивительней, что с тех пор, как в 1893 году кардинал Гаске¹ написал свою «Великую чуму», не появилось ни одного исследования на эту тему, если не считать весьма своеобразной монографии доктора Коултона². Между тем за это время открылось много новой информации, и многие догмы, принятые в XIX веке, были опровергнуты или смягчены.

Я хорошо понимаю соображения, удерживающие академических историков заняться подобной работой. Любое общее исследование обречено стать либо поверхностным, либо громоздким. Первое не понравилось бы автору, второе – издателю и публике. Кроме того, ни один человек не может быть экспертом во всех аспектах этой огромной панорамы, а мысль о коллегах-конкурентах, каждый из которых, засе-

¹ Гаске Фрэнсис Эйдан (1846–1929) – английский бенедиктинский монах и историк. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иначе.)*

² Коултон Дж. Г. (1858–1947) – британский историк, известный многочисленными работами по средневековой истории.

в крепости своего узкоспециального знания, только и ждет, чтобы разгромить неосторожного нарушителя спокойствия, способна смутить даже самого бесстрашного.

Согласно доброжелательной, но вместе с тем пренебрежительной оценке профессора Элтона³, я дилетант, приступающий к своей задаче «с легким сердцем неподготовленного смельчака». Я много читал, но не претендую на звание специалиста по Средневековью. Надеюсь, это извинит мое вторжение туда, куда боится ступить даже ангел или профессор истории Средних веков. (Снова цитируя профессора Элтона, «возможно, ангелам простительно, если они вместо того, чтобы ступать на этот неверный путь, предпочитают ждать своего часа и попираť глупцов».) В действительности эта книга не является оригинальным исследованием. Это попытка соединить в одном относительно всеобъемлющем, но удобочитаемом тексте свидетельства средневековых хронистов и труд более поздних историков, в частности огромный поток кандидатских диссертаций, каждая из которых посвящена крохотному аспекту этой необъятной темы. И если эта книга даст шанс спровоцировать какого-нибудь академического историка (возмущенного ее неадекватностью) взяться за большое исследование, значит, она послужит благой цели.

Итак, эта книга не для профессионального историка. Од-

³ Элтон сэр Джеффри Рудольф (1921–1994) – британский политический и конституционный историк немецкого происхождения, специализирующийся на эпохе Тюдоров.

нако, надеюсь, она может быть ему полезна исключительно как единственное исследование, где сделана попытка в ссылках охватить все работы, которые внесли серьезный вклад в изучение Черной смерти.

Несмотря на то что я более тщательно занимался Черной смертью в Англии, чем в других местах, я попытался дать некоторое представление о ее источниках и вкратце описать процесс ее распространения по территории Европы. Результат получился несколько сумбурный, но ограничиться одной Англией, или Британскими островами, означало бы пожертвовать общей перспективой в угоду более гладкому, но и более узкому изложению.

При написании книги такого рода возникает множество проблем по ее компоновке. В определенном смысле было бы логичней рассматривать отдельно такие вопросы, как преследование евреев или состояние медицинских знаний. Однако после некоторых размышлений и колебаний я пришел к заключению, что книга не сильно потеряет в стройности изложения, но станет значительно легче читаться, если эти темы будут освещены по мере того, как они появляются по ходу повествования.

Господа Ричард Оллард⁴, Хандасайд Бьюкенен и мой брат Оливер Зиглер мужественно прочли мой манускрипт и внесли очень ценные предложения. Доктор Киили из «Уэллком

⁴ Оллард Ричард (1923–2007) – английский историк, наиболее известный своими работами по английскому периоду Реставрации.

института истории медицины» был так любезен, что прочитал и сделал ряд критических замечаний в отношении разделов, касавшихся природы и истории бубонной чумы. Мисс Барбара Додуэлл, корректор из Университета Рединга, исправила мои многочисленные ошибки и указала несколько способов улучшить книгу.

Любой писатель, так же сильно, как я, опирающийся на работы других людей, должен содрогнуться под почти невыносимым бременем благодарности. Я с удовольствием и восхищением признаю свой долг перед всеми публикациями, которые использовал в этой книге. Но два имени выделяю особо: это – покойный профессор Гамильтон Томпсон⁵, чей пионерский труд в этой области стал огромным вкладом, используемым во всех последующих работах историков, и доктор Элизабет Карпентер из парижской «Ecole des Hautes Etudes», чье остроумие и ученость освещают эту тему.

⁵ Томпсон Александр Гамильтон (1873–1952) – британский историк, с 1927 по 1939 г. профессор средневековой истории Лидского университета.

Глава 1

Истоки и природа

Должно быть, где-то около 1346 года до Европы впервые дошли вести о странных и трагических событиях на далеком Востоке. Позже, уже во время не таких, как прежде, тяжелых путешествий и быстрого распространения новостей, бедствия в Китае воспринимались на Западе с вежливым, но отстраненным сожалением, с которым относятся к чему-то бесконечно далекому. В XIV веке Китай⁶ был несуществующей страной, о которой могли слышать лишь самые искушенные. Но даже для них это была загадочная страна, где побывали лишь немногие купцы и о которой почти никто ничего не знал. Никакие рассказы – пусть даже самые жуткие – не казались неправдоподобными, если они исходили из такого источника. Но точно так же ни один средневековый ученый или купец не стал бы считать, что события, происходящие так далеко, могут иметь какое-то отношение к его собственному существованию. Рассказы путешественников воспринимались с благоговейной доверчивостью, но не вызывали тревоги.

Между тем дела там шли определенно плохо. В предшествующие годы Восток сотрясала череда сокрушительных

⁶ Это не опечатка, а старое название, в оригинале Cathay.

бедствий. В 1333 году безжалостная засуха и последовавший за ней голод опустошили равнины, питавшиеся водами рек Кианг⁷ и Хоай⁸. Затем пришел черед наводнений, погубивших, по рассказам, 400 000 человек и «обрушивших» гору Чинчоу, из-за чего в земле появилось много расщелин. В 1334 году Хукуань и Хонан охватила засуха, за которой последовали нашествие саранчи, голод и мор. В горах произошло землетрясение, и возникло озеро Ки-Минь-Чан более ста лиг в окружности. Говорили, что где-то в Че умерло более 5 000 000 человек. Землетрясения и наводнения не прекращались с 1337 по 1345 год; саранча никогда не приносила столько вреда; в Кантоне случилась «подземная гроза».

Но все это было лишь преддверием настоящего бедствия. Существует несколько рассказов современников о самых первых днях эпидемии Черной смерти. Но они настолько схожи во всех подробностях, что позволяют предположить происхождение из одного источника. Едва ли не единственный человек, о котором известно, что он побывал на месте событий или близко к нему, это Ибн Баттута, Путешественник, но и тот, как ни печально, оказался на удивление молчалив. С другой стороны, неизвестный фламандский священник, к счастью, не был скован ограничениями, наложенными на тех, кто действительно видел то, что описывал. Основываясь на письме друга из Папской курии в Авиньоне, он пере-

⁷ Искаженное Цзян – древнее название реки Янцзы.

⁸ Скорее всего, имеется в виду река Хуанхэ.

сказал, как «на Востоке, недалеко от великой Индии, в некоей провинции ужасы и неслыханные бури за три дня овладели всей территорией провинции. В первый день пошел дождь из лягушек и змей, ящериц, скорпионов и множества других ядовитых тварей того же сорта. На второй день послышался гром, сверкнула молния, и на землю стали падать пласты огня, смешанные с градом камней огромного размера, убившие почти всех от самых больших до самых малых. На третий день с небес полился огонь и зловонный дым, который убил всех уцелевших людей и тварей и сжег все города в тех землях. После этих бурь вся провинция оказалась зараженной, и, как предполагалось, порывы тлетворного ветра, пришедшего с юга, разнесли заразу по всему побережью и окрестным землям, а сам он день ото дня становился все более ядовитым...».

Именно на это представление об отравленной атмосфере, принявшей зримый образ дыма, или мглы, опускавшейся на мир и накрывавшей собой все, что попадалось на пути, опирались средневековые врачи в своих усилиях остановить чуму. По мнению одного хрониста, субстанция этого облака была скорее паром, чем дымом. Ее источник следовало искать в войне между морем и солнцем, разгоревшейся в Индийском океане. Океанские воды поднимались вверх в виде пара и заражались от большого количества гниющей мертвой рыбы, а солнце не могло ни высушить этот пар, ни вернуть его назад как чистый дождь. Поэтому он разлетался по

сторонам в виде вредоносного дьявольского тумана, отравлявшего все, к чему прикасался. Однако для летописца с Востока это облако смерти не имело никакого отношения к морю:

«Между Катаем и Персией прошел страшный огненный дождь; огонь падал хлопьями, как снег, и выжигал горы, равнины и другие земли, где жили мужчины и женщины. А потом поднялся страшный туман, и каждый, кто видел его, даже с расстояния в полдня пути, умер, так же как и всякий мужчина или женщина, которые посмотрели на тех, кто его видел...»

Так или иначе, но к концу 1346 года по меньшей мере в крупных морских портах Европы было широко известно, что на Востоке бушует мор ни с чем не сравнимой силы. О распространении болезни ходили пугающие слухи: «Индия обезлюдела, Татария, Месопотамия, Сирия и Армения усеяны мертвыми телами; курды бежали в горы, но тщетно. В Карамании и Кесарии в живых не осталось никого...» И все же не похоже, что кому-то могло прийти в голову, что однажды этот мор может ударить по Европе.

Самый подробный рассказ о том, как болезнь совершила этот фатальный прыжок, принадлежит Габриэлю де Мюсси⁹. Одно время даже считалось, что этот автор сам посетил Малую Азию и был пассажиром того корабля, который привез чуму в Европу. Однако впоследствии издатель неохотно, но

⁹ Де Мюсси Габриэль (ок. 1280 – ок. 1356) – нотариус из г. Пьяченца.

твердо указал, что в этот критический период де Мюсси ни разу не покидал свой родной город Пьяченца.

Де Мюсси заявлял, что в 1346 году чума обосновалась в татарских землях Малой Азии. Согласно Вернадскому, в одном только Крыму от нее умерло 85 000 человек. То ли по совпадению, то ли из-за общепринятого в Средние века мнения, что причиной страданий татар стал некий человеческий фактор, вероятнее всего, в виде некой непопулярной группы людей, они решили напасть на обитавших по соседству купцов-христиан. Поводом для того, что, скорее всего, являлось спланированной кампанией, стала уличная драка, в результате которой был убит один местный житель. Татары напали на генуэзскую факторию в городе Тана и гнались за торговцами до их крепости в Каффе (ныне Феодосия), что на побережье Крыма, который генуэзцы построили, укрепили и использовали как свою базу для торговли с внутренними районами на востоке полуострова. Татарская армия расположилась под стенами города и приготовилась обстреливать его, пока он не сдастся.

Но вскоре в их планы самым катастрофическим образом вмешалась чума, собравшая среди осаждавших богатую жатву. «Измученные, ошеломленные и потрясенные», они решили прекратить осаду. Однако чувствовали, что было бы справедливо, чтобы христиане тоже ощутили вкус мучений, от которых страдали нападавшие. Используя свои гигантские катапульты, они кидали через стены трупы жертв в надежде

таким способом распространить болезнь в городе. Как только разлагающиеся тела падали в крепость, генуэзцы выносили их из города к морю и сбрасывали в воду. Но найдется немного мест, столь же беззащитных перед инфекцией, как осажденный город, и уже очень скоро чума свирепствовала внутри стен не меньше, чем за ними. Те из жителей, которые не заболели сразу, поняли, что, даже если они переживут мор, их останется слишком мало, чтобы отразить новую атаку татар. Они погрузились на свои галеры и поплыли из Черного моря в Средиземное. А с ними поплыла и чума.

Хотя это определенно не мог быть единственный и, возможно, даже самый первый путь, которым чума пришла в Европу, нет причин сомневаться, что в основном рассказ де Мюсси правдив. Одним из основных маршрутов, которым специи и шелка попадали с Востока на европейский рынок, был путь из Багдада вдоль Тигра и дальше через Армению до перевалочных пунктов итальянских купцов в Крыму. Нет ничего более вероятного, чем то, что, совершив путешествие с большими караванами, чума распространилась среди крымских татар – «гиперборейских скифов», которые, по мнению византийского императора Иоанна Кантакузина, стали первыми жертвами эпидемии.

По словам летописца, «чума на этих проклятых галерах была карой Господней, поскольку эти самые галеры помогали туркам и сарацинам взять город Romanais¹⁰, принадле-

¹⁰ Не удалось выяснить, какой город имеется в виду.

жавший христианам, и, сломав стены, резали христиан, точно скот. И генуэзцы чинили гораздо больше вреда и жестокости, чем даже сарацины». Как и в других случаях божественного возмездия, такое наказание выглядит весьма сомнительным. Потому что, хотя и не обязательно, подобно этому летописцу, верить, будто эти злосчастные галеры с командами, умирающими прямо на веслах, каким-то образом умудрились принести чуму в «Константинополь, Мессину, Сицилию, Сардинию, Геную, Марсель и многие другие места», возможно, что, по меньшей мере, в Геную, Венецию и Мессину инфекция действительно была завезена на галерах, прибывших из портов Востока.

Когда жители осознали, что за груз везут с собой гости, последовала достаточно бурная реакция. Они постарались отогнать опасность как можно дальше и тем самым лишь поспособствовали более быстрому распространению эпидемии. «В январе 1348 года, – писал фламандский хронист, – в Геную зашли три галеры, прибитые сильнейшим восточным ветром. На этих кораблях, груженных различными специями и другим ценным товаром, свирепствовала страшная зараза. Когда жители Генуи об этом узнали и увидели, как быстро и неизлечимо они заражают других людей, их выгнали из порта горящими стрелами и плавучими военными орудиями, потому что ни один человек не смел к ним прикоснуться; и никто не мог торговать с ними, а если бы он это сделал, то наверняка тотчас умер бы. И так их гоняли из пор-

та в порт...»

Но к тому времени, когда генуэзские власти отреагировали, было слишком поздно. Зараза уже была на берегу, и ничто не могло ее остановить. К весне 1348 года Черная смерть прочно завладела Сицилией и материком.

В этом месте рассказа, когда чума приготовилась нанести удар в сердце Европы, представляется разумным сделать отступление и рассмотреть, что в действительности представляла собой эта эпидемия и насколько новым явлением она была. Сегодня в происхождении и природе Черной смерти нет практически ничего загадочного. Осталось прояснить кое-какие пункты, все же самое существенное уже известно. Но в Средние века чума была не только абсолютно убийственной, но и совершенно непостижимой. Средневековый человек не имел никаких средств защиты – ни социальных, ни медицинских, ни психологических – против грозной эпидемии подобного масштаба. Его недоумение, ужас и беззащитность перед лицом этой катастрофы – главная тема этой книги.

Одной из второстепенных загадок, существующих по сей день, является происхождение названия «Черная смерть». Традиционно считается, что чума получила такое название, поскольку за несколько часов до смерти разлагающаяся плоть жертв чернела. Неубедительность этой версии, которая в противном случае была бы весьма правдоподобной, в том, что ничего похожего не происходило. Действитель-

но, в случаях септической чумы на теле больного появлялись небольшие черные или лиловые пятна, и этот симптом, должно быть, производил сильное впечатление на очевидцев. Но если бы название болезни проистекало непосредственно из внешнего вида жертв, следовало бы ожидать, что его начнут употреблять в то самое время. Однако свидетельств этому нет. На самом деле создается впечатление, что такое название не было общеупотребимым до XVIII века, хотя похожие выражения часто применялись к другим эпидемиям прошлого. Первая запись, использовавшая этот термин в отношении эпидемии 1348 года, сделана в 1555 году в Швеции. Примерно через пятьдесят лет оно появилось в Дании. Кардинал Гаске считал, что, по крайней мере, в Англии это название стали употреблять через некоторое время после 1665 года, чтобы отличать эпидемию XIV века от Великой чумы, опустошившей Лондон.

Тот факт, что название «Черная смерть» не употреблялось современниками, делает весьма сомнительными объяснения, которые относят его к появлению черной кометы, случившемуся до начала эпидемии, к большому числу людей, облаченных в траур в результате высокой смертности, и к популярным изображениям чумы в виде человека в плаще с капюшоном на черной лошади или шагающего по стране черного гиганта.

Наиболее вероятным объяснением представляется, что это название произошло от слишком буквального перево-

да на скандинавский или английский язык латинского *pestis atra*¹¹ или *atra mors*¹². Даже в XIV веке слово *atra* можно было перевести как «страшный», «ужасный», а также «черный». Но как только этот перевод появился, все остальные причины связать слово «черная» со словом «смерть» нужно приписать желанию сделать название общеупотребимым. Во Франции чуму сначала называли *morte bleue*¹³. В высшей степени пугающее звучание принятого названия очевидно, и сегодня никакой другой вариант был бы неприемлем.

Записи, сделанные современниками, поразительно схожи в описании физических проявлений болезни. Наиболее часто упоминаемый и вместе с тем наиболее впечатляющий симптом – это, конечно, бубоны, или нарывы, которые иногда изображают как шишки, зерна, желчные пузыри, волдыри и т. п., являвшиеся непереносимыми спутниками бубонной чумы. Для всего остального подойдет рассказ Боккаччо:

«В мужчинах или женщинах она, прежде всего, выдает себя мгновенным появлением определенных припухлостей в паху или под мышками, некоторые из них вырастают размером с яблоко, другие – с яйцо, одни больше, другие меньше, и люди называют их *gavocciolo*¹⁴. Из двух указанных мест эти смертоносные *gavocciolo* начинают распространяться и рас-

¹¹ Черная язва.

¹² Черная смерть.

¹³ Синяя смерть.

¹⁴ То есть с итальянского – тот же бубон, нарыв. (*Примеч. ред.*)

ползают во все стороны, после чего болезнь начинает меняться. Во многих случаях на предплечьях, бедрах и в других местах появляются черные или багровые пятна, то большие и редкие, то маленькие и многочисленные. И точно так же, как *gavossio* были и остаются верным знаком приближающейся смерти, так и эти пятна возвещают о ней...»

Единственная сомнительная с медицинской точки зрения деталь в этом рассказе – это слова, что бубон является «верным знаком приближающейся смерти». Другие записи того времени, а также свидетельства о более поздних эпидемиях указывают, что случаи, когда бубоны рассасывались и пациент выздоравливал, не были чем-то неслыханным. Но это определенно происходило в очень редких случаях. Для большинства жертв появление бубонов означало неизбежную смерть, и неудивительно, если Боккаччо никогда не слышал о примерах обратного.

Ги де Шолиак, врач, служивший при папском дворе в Авиньоне, был тем человеком, который яснее всего видел, что бубоны отнюдь не являлись неизменным симптомом и что существовал более агрессивный вариант чумы. «Смерти... продолжались семь месяцев, – писал он. – Их было два вида. Первый длился два месяца, сопровождаясь постоянной лихорадкой и кровохарканьем. От него умирали за три дня. Оставшееся время пришлось на второй вид, который тоже сопровождался постоянной лихорадкой, но в этом случае на теле появлялись язвы или карбункулы, в основном под мыш-

ками и в паху. От него умирали за пять дней».

Первая форма, описанная Шолиаком, без сомнения, была более смертоносной. Даже те доктора, которые не смогли распознать значение различных симптомов, связывали кровавый кашель с неминуемой смертью: «У людей страдали легкие и дыхание, и те, у которых они разрушались или даже слегка повреждались, никак не могли избежать смерти и прожить дольше двух дней».

Вопрос, как долго мог прожить больной, приводил хронистов того времени в сильное замешательство, которое так и не удалось прояснить из-за их неспособности идентифицировать вторую и, как мы теперь знаем, третью форму чумы. Большая часть свидетелей соглашались с Боккаччо, что в случаях, когда имели место только бубоны, смерть наступала в течение пяти-шести дней, но, когда наблюдалось кровохарканье – или само по себе, или как дополнительный симптом, – болезнь развивалась быстрее, и пациент умирал за два-три дня. Но существовали и другие, далеко не редкие свидетельства о тех случаях, когда болезнь убивала почти сразу или в течение нескольких часов. Джеффри Пекарь¹⁵ писал о людях, которые спокойно отправлялись спать, а на следующее утро были мертвы. В то же время Симон де Ковино¹⁶ описывает священников и докторов, которых «сразила

¹⁵ Джеффри Пекарь (ум. ок. 1360 г.), также известен как Уолтер из Суинброка – английский хронист.

¹⁶ Де Ковино Симон (1320–1367) – французский врач и хронист.

чума, когда они оказывали духовную помощь, и часто одно прикосновение или один вздох зачумленного убивал их даже раньше, чем самого больного, к которому они приехали».

Почти все рассказы дышат отвращением и страхом, который вызывала чума у тех, кто с ней сталкивался. Болезнь не относится с уважением к достоинству и красоте человека, но Черная смерть, похоже, обладала особенно эффективными инструментами для разрушения и уничтожения своих жертв. Все, что с ней связано, было отвратительно настолько, что больной становился скорее объектом омерзения, чем жалости: «Все, что выделяли их тела, испускало невыносимый смрад. Пот, экскременты, слюна, дыхание – все было нестерпимо зловонным, а моча – мутной, густой, черной или красной...»

Все эти проявления регистрировались с ужасающей точностью и были описаны тщательно и объективно. Однако не предпринималось или почти не предпринималось никаких усилий, чтобы объяснить их логически или объединить в целостную картину. Фундаментальные знания, на основании которых можно было бы предпринять такие попытки, были удручающе недостаточными, а желание сделать такую попытку практически отсутствовало. Единственным аспектом, оказавшимся своего рода исключением, стал вопрос: как болезнь передавалась от человека к человеку и из страны в страну? Об этом много размышляли и выдвигали разные эзотерические теории. Основными были две, не являв-

шиеся, впрочем, взаимоисключающими. Приверженцы первой считали, что инфекция передается от человека к человеку, а сторонники второй верили в существование «миазма», или ядовитого облака.

Средневековые доктора столкнулись с ситуацией, когда на одной территории внезапным и необъяснимым образом умирало множество людей. Эта зона смертности постепенно смещалась, завоевывая новую территорию и оставляя старую. Любые мыслящие существа, столкнувшись с подобным феноменом, но при этом совершенно несведущие в области медицины, скорее всего, пришли бы к одному и тому же объяснению. Должно быть, существует что-то вредоносное в самом воздухе, который медленно перемещается из одного места в другое, гонимый ветром или побуждаемый собственным загадочным движением. Существовало множество различных точек зрения на природу этой переносимой по воздуху опасности, ее происхождения и физического облика. Но почти каждый средневековый ученый или доктор считал само собой разумеющимся, что главной причиной Черной смерти является порча атмосферы.

Споры вращались преимущественно вокруг степени вреда, который такая порча может нанести подверженной ей атмосфере. Арабский философ и врач из Гранады Ибн Хатима занял крайнюю позицию, утверждая, что в некоторых случаях порча может быть абсолютной, иными словами – сама природа воздуха может быть безвозвратно изменена раз-

ложением. В таком воздухе не родится никакой свет, а тем более облако, в котором может выжить человек. Подобные условия существовали только в самом сердце охваченной чумой области, а вокруг наверняка можно было обнаружить зону частичного заражения воздуха, где существовала угроза смерти, хотя все еще большая, но уже не неизбежная. Изменение в составе воздуха могло быть вызвано движением звезд или гнилостными испарениями разлагающейся материи. Однако в случае Черной смерти Ибн Хатима считал, что причину следует искать в погодных капризах предшествующих лет.

С теорией, что воздух мог быть изменен в своем составе, соглашались немногие. Даже коллега и друг Ибн Хатимы Ибн аль-Хатиб не мог принять существование чего-то большего, чем временное отравление воздуха, вызванного появлением в атмосфере чего-то вредоносного. Что это было и откуда пришло, тоже вызывало жаркие споры. Альфонсо де Кордова, как и большинство ученых того времени, считал, что начало этому злу, вероятно, положило движение планет, но если отравление атмосферы продолжалось в течение какого-то времени, то за этим стоит некий человеческий фактор:

«Поскольку воздух может быть заражен только искусственно, как в случае, когда в стеклянной колбе готовится какая-то смесь и она хорошо перебродит, тот, кто желает сотворить это зло, ждет, пока подует сильный медлен-

ный ветер с одной стороны света. Тогда он выходит на этот ветер и ставит свою колбу на камни напротив города, который хочет заразить, а сам обходит их и встает сзади камней против ветра, чтобы пары не заразили его. Потом он с силой ударяет свою колбу о камни. И когда она разбивается, пары выходят наружу и рассеиваются в воздухе, и те, кого они коснутся, умрут...»

Анонимный автор другого трактата о чуме отвергает все эти средневековые фантазии о газовой войне и отдает роль мировых злодеев крупным землетрясениям 1347 года. Еще до этого времени под землей нарастало давление, и небольшое количество тлетворных потоков воздуха, сочившихся оттуда, давали начало мелким эпидемиям. Но теперь ядовитые испарения стали выходить через трещины в земле, проникать в атмосферу и перемещаться по территории Европы, убивая все, что попадает к ним на пути.

Странно, что хотя каждый доктор на словах отдавал должное учениям Галена, но то довольно прозаическое объяснение заражения атмосферы, которое он предложил, почти полностью игнорировалось теми, кто писал о Черной смерти позже. Болезнь, по его мнению, возникает в основном от «вдыхания воздуха, зараженного гнилостными выдохами. Начало этому гниению может дать большое количество захороненных трупов, возможное во время войны, или испарения прудов и болот летом...». Может, чудовищный масштаб катастрофы, охватившей Европу в XIV веке, вынудил

ее жертв искать столь же нелепое объяснение.

Но мысль, что болезнь могла передаваться непосредственно от человека к человеку, не исключала веры в отравленную атмосферу. Немногие, в основном среди арабов, отказывались признавать такую возможность из религиозных соображений, но для большинства людей свидетельства, которые они видели собственными глазами, были слишком сильны. Прилагались определенные усилия, чтобы объединить обе теории, например, теми, кто утверждал, будто жертва чумы может источать инфекцию в ближайшем окружении, порождая свой личный локальный миазм, окружающий ее голову, словно нимб. Но таким логическим изыскам не уделялось большого внимания, и в целом люди довольствовались тем, что принимали к сведению, что болезнь могла с ужасающей скоростью передаваться от одной жертвы к другой, и не слишком интересовались философским и научным обоснованием этого феномена. Доказательств было предостаточно. Заметим, что араб Ибн аль-Хатиб пренебрег своими религиозными верованиями и решительно заявил: «Существование инфекции ясно подтверждено опытом, исследованиями, умственным восприятием, вскрытием трупов и подлинным знанием факта...»

В действительности создается впечатление, что для средневекового сознания самым пугающим свойством Черной смерти была та скорость, с которой она переходила от человека к человеку. «Контактная природа этой болезни, – писал

хронист, – разумеется, самая жуткая из ее черт, потому что, когда тот, кто заразился ею, умирает, и все, кто наблюдал его болезнь, или приходил к нему, или имел с ним какое-то дело, или даже нес его до могилы, быстро следуют за ним туда же, и никто не знает способов защиты».

В числе тех, кого поразили страх заражения, был Боккаччо: «Более того, заразность этого мора сильнее от того, что общение ведет к передаче его от больного к здоровому точно так же, как огонь пожирает все сухие или покрытые жиром предметы, поднесенные близко к нему. Нет, этот дьявол пошел даже дальше, потому что не только от разговора или общения с больным болезнь переходит на здорового с опасностью последующей смерти, но все, что прикасалось к одеждам больного, или все, что соприкасалось с ним или использовалось им, похоже, тоже несло на себе болезнь».

Сам Боккаччо утверждал, что видел на улице пару свиней, копавшихся пяточками в лохмотьях мужчины, который только что умер. Свињи обнюхали их, попробовали на зуб, а потом вдруг начали кружиться на месте и без лишних церемоний упали на землю замертво. Неизбежным результатом этого вполне обоснованного, пусть даже преувеличенного ужаса перед болезнью стало то, что жертвы чумы все чаще и чаще оказывались брошенными на произвол судьбы, и даже от тех, кому довелось пережить легкое соприкосновение с болезнью, начинали шарахаться их товарищи. Безопасность могла дать только полная изоляция. Если это было

невозможно, то следовало, по меньшей мере, избегать контактов с зачумленными.

Достаточно быстро стало ясно, что для заражения не обязательно прикасаться к больному. Большинство людей верили, что болезнь передается с дыханием, хотя существовали и другие теории. По мнению врача из Монпелье, убить мог и взгляд. «Немедленная смерть наступает, когда воздушный дух из глаз больного человека попадает в глаза здорового, стоящего рядом и смотрящего на больного, особенно когда последний пребывает в агонии, потому что тогда ядовитая природа этого духа переходит от одного к другому, убивая этого другого». Но какой бы стремительной и ужасной ни была эта инфекция, совершенно очевидно, что ее пугающие проявления менялись с изменением места и времени. В одном случае чума уничтожала всю общину целиком, в другом – жертвами становились один-два человека, а остальные не были затронуты и оставались жить; здесь вся семья умирала в течение двадцати четырех часов, а там отец умирал в один день, ребенок – спустя три недели, другой ребенок – через месяц, и больше жертв не было. Обычно это воспринималось достаточно равнодушно, как очередной необъяснимый феномен, из которых состояла Черная смерть. Лишь немногие доктора отмечали, что инфекция выглядела более заразной там, где наблюдалось кровохарканье. Только Ги де Шолиак додумался о существовании двух форм болезни, что было очевидно, и что одна форма более заразна, чем другая.

Обладая огромным превосходством поколения, которое изобрело более эффективные способы массового уничтожения, чем те, которые природа применяла к нашим предкам, легко и заманчиво посмеяться над их неспособностью понять обрушившееся на них бедствие. Но, может, лучше удивиться мужеству и мудрости людей, подобных Ги де Шолиаку, которые, видя, что страшная необъяснимая болезнь обрекла их цивилизацию на гибель, тем не менее могли с научной объективностью наблюдать за ее развитием, строить рациональные заключения о ее характере и вероятных последствиях и делать все возможное, чтобы обуздать ее. Кроме того, нелишне вспомнить, что только в XIX веке мы узнали достаточно, чтобы определять источники и ход развития подобных эпидемий, и что даже сейчас необходимы быстрые и дорогостоящие меры, чтобы останавливать их до того, как они успеют причинить огромный вред. Искушенный и обладающий огромными знаниями доктор Крейтон¹⁷ пришел к окончательному выводу, что источником Черной смерти являлись груды трупов, оставленных без погребения в ходе катастроф, которые одна за другой случались в Китае. Он назвал отравление трупным ядом причиной высокой смертности среди священников и монахов. Священники имели тенденцию жить вблизи деревенского кладбища, а между тем «в монастырских стенах были захоронены не только поколения

¹⁷ Крейтон Чарльз (1847–1927) – британский врач и медицинский писатель.

монахов, но часто тела принцев, знати из окрестных мест и множества священников».

Теперь мы вежливо улыбаемся ошибкам доктора Крейтона, но было бы разумно спросить: не покажутся ли такими же смешными сегодняшние теории много позже? В целом, это маловероятно. Несомненно, будут сделаны новые открытия, прояснятся темные места, концепции дополнятся или уточнятся. Но техники научных исследований уже достаточно далеко продвинулись, чтобы достоверно определить основные элементы Черной смерти и авторитетно объяснить цикл ее протекания.

Уже многие годы общепринятым фактом является то, что Черная смерть в своей первоначальной форме была бубонной чумой. Бубонная чума эндемична для некоторых отдаленных территорий мира. Среди тех, которые можно назвать с разумной уверенностью, – Уганда, Западная Аравия, Курдистан, Северная Индия и пустыня Гоби. Время от времени она возникает там в виде небольших локальных эпидемий. Гораздо реже преодолевает границы этих районов и вырывается оттуда в виде одной из крупных пандемий. В отличие от гриппа бубонная чума в таких случаях движется медленно, и проходит десять, а то и больше лет, прежде чем она пройдет по миру. Но когда она приходит, то приходит, чтобы остаться. За первым ударом с высокой смертностью следует длительный период, в течение которого она является эндемичной. В этот период эпизодически возникают эпидемии,

которые постепенно затухают как по частоте, так и по силе. В конце концов, возможно, через несколько сот лет после первоначальной вспышки чума исчезнет.

Существуют письменные свидетельства о трех таких эпидемиях. Первая, начавшаяся в Аравии, достигла Египта в 542 году. Она поразила и, возможно даже, фатально ослабила Византийскую империю Юстиниана и через Европу пришла в Англию, где стала известна как Чума времен Кадваладера, и в Ирландию, которую опустошила в 664 году. Второй пандемией была Черная смерть. Одной из ее последующих вспышек явилась Великая лондонская чума 1665 года, после чего она, видимо, затухла в течение XVII века. Последней была пандемия, которая началась в 1892 году в провинции Юньнань и в 1896-м дошла до Бомбея. Считается, только в одной Индии она убила около 6 000 000 человек. В 1910 году она сделала краткую и, к счастью, безуспешную вылазку в Саффолк, поразив лишь горстку людей. Потом она дала о себе знать на Азорских островах и в некоторых частях Южной Америки. Но во многих частях света ей еще предстоит проявить себя.

Несмотря на то что на основании имеющихся уже свидетельств невозможно однозначно назвать источники средневековой пандемии, исследования русского археолога Хвольсона вблизи озера Иссык-Куль в районе Семиреченска в Центральной Азии показали, что в этих местах в 1338 и 1339 годах имел место необычайно высокий уровень смертно-

сти. Несторианские мемориальные камни приписывают эти смерти чуме. С учетом более позднего распространения этой болезни и того факта, что эта область расположена в сердце одной из зон, где бубонная чума является эндемичной, доктор Поллитцер¹⁸ – вероятно, ведущий авторитет в этом вопросе – пришел к заключению, что почти наверняка это и есть колыбель Черной смерти. Оттуда она распространилась на восток в Китай, на юг в Индию и на запад, где примерно через восемь лет достигла Крыма.

В этой далекой твердыне с незапамятных времен сохранились бактерии *Pasteurella pestis*¹⁹, выживавшие в крови животных или в желудках блох. Но в приоритете оказались *Xenopsylla cheopsis*²⁰, обычно называемые *X. cheopsis* – насекомые, которые в качестве идеального для себя места обитания выбрали шерсть какого-нибудь грызуна. Можно только догадываться, какой грызун чаще всего встречался вблизи озера Иссык-Куль в 1338 году, но более поздние эпидемии указывают на тарбагана или маньчжурского сурка, симпатичного зверька, похожего на белку, на которого охотятся ради его шкурки, а также тушканчик и суслик, как и, безусловно, крыса, хотя последняя играла главную роль, только когда болезнь перемещалась с места на место.

¹⁸ Поллитцер Роберт (1885–1968) – врач-патолог из Австро-Венгрии, работавший на Маньчжурской противочумной станции.

¹⁹ Возбудитель чумы (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

²⁰ Восточная (тропическая) крысиная блоха (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

Чтобы потревожить спокойное и по большей части безобидное существование *Pasteurella pestis*, должно было случиться нечто, заставившее грызунов покинуть свои дома.

Вместе с ними неизбежно пустились в путь и блохи, а внутри блох – груз смертельно опасных паразитов. Мы, скорее всего, никогда не узнаем, что именно стало причиной данной миграции грызунов. Сохранившиеся свидетельства позволяют предположить, что это были наводнения, но в других случаях стимулом являлась длительная засуха или просто чрезмерный рост популяции грызунов, из-за которого возникала нехватка доступного корма. При таких обстоятельствах имела место массовая миграция, и прежде всего в путь пускалась *Rattus rattus* – крепкая проворная черная крыса, по природе своей склонная к бродяжничеству.

Не отрицая важности крысы как переносчика чумы, профессор Джордж предположил, что ее роль, за исключением первых стадий эпидемии, не была существенной и что небольшое количество упоминаний о ней в рассказах современников о Черной смерти указывает, что заражение в основном определялось другими способами транспортировки. Он считал, что блоха *Pulex irritans*, нападающая прежде всего на человека, прекрасно могла переносить чуму от одного к другому без участия зараженной крысы. С медицинской точки зрения это сомнительно. Как дополнительный фактор исключать *Pulex irritans* нельзя, но ее способность выпивать достаточное количество бактерий чумы у одного человека, что-

бы перенести смертельную дозу другому, считается весьма сомнительной. Офицер Макартур²¹ писал, что в кровяных культурах, полученных из тел умерших от бубонной чумы, он обнаружил «так мало бацилл, что теоретически человек мог накормить 20 000 блох и даже в таком случае никого не заразить».

Определенно нет сомнений, что быстрому распространению бубонной чумы в огромной степени способствовало присутствие зараженных крыс. Вероятно, первоначально крысы были завезены на кораблях, возвращавших домой участников крестовых походов, и к середине XIV века они наводнили Европу. Их роль была малозаметной, и, поскольку у современников не было никакой определенной причины сообщать об их наличии, их отсутствие в хрониках не дает повода сомневаться в их существовании. Мертвые крысы, без сомнения, засоряли улицы и дома, но это едва ли казалось достойным внимания во времена, когда даже тела мертвых людей не считались чем-то особенным.

Но хотя крыса очень способствовала распространению бубонной чумы, профессор Джордж прав, возражая, что это не главное. Комиссия по изучению чумы, созданная в 1910 году, сообщала, что «перемещение зараженных крыс и блох с товарами, или, в случае блох, на теле человека необходимо учитывать». Но выражение «нет крыс на корабле – нет

²¹ Макартур Уильям П. (1884–1964) – британский генерал, врач, педагог, историк, писатель, редактор и королевский врач.

чумы», очевидно, не верно, и доктор Хёрст²² это доказал. В идеальных условиях *X. cheopsis* может прожить без своего хозяина в течение месяца. Путешествуя с грузом зерна или в рулоне ткани, она могла с легкостью преодолевать сотни миль. Есть подтвержденный случай, когда блоха прожила в крысиной норе без еды шесть месяцев. Таким образом, отсутствие крыс вовсе не гарантия, что бубонная чума не сможет нанести нападение.

Известные на сегодняшний день симптомы бубонной чумы полностью совпадают с теми, которые описывали средневековые хронисты. «Распухшие и воспаленные лимфатические узлы», известные как бубоны, являются классическим признаком. Иногда они достигают размеров миндаля, иногда апельсина и обычно располагаются в паху, но могут также появляться под мышками, а иногда на шее. Столь же хорошо известными являются округлые пятна или синяки, вызванные подкожными кровоизлияниями, и поражение нервной системы: «В Провансе один человек забрался на крышу и стал бросать куски черепицы на улицу. Другой исполнил на крыше безумный гротескный танец...» Хотя современная медицина предполагает, что если в течение недели бубон лопается, жертва, скорее всего, выживет, немногие средневековые доктора могли предположить, что их пациент выдержит больше четырех-пяти дней страшной боли, сопровождавшей нарыв. Однако иные случаи, которые наблюдал Бок-

²² Леонард Фабиан Хёрст (1882–1964) – американский паразитолог.

каччо или Симон де Ковино, можно было обнаружить в полдюжине очагов чумы.

Несмотря на то что бубонная чума была первой и самой заметной формой, которую приняла Черная смерть, вариант, известный как первичная легочная чума, оказался более смертоносным. Во время эпидемий XIX века, когда методы лечения на удивление мало превосходили те, которые применялись в Средние века, от 60 до 90 % тех, кто заразился бубонной чумой, могли ожидать, что умрут. Если случалась легочная чума, случаи выздоровления практически неизвестны. Чтобы убить бубонную чуму, как правило, нужно от четырех дней до недели. Во время маньчжурской эпидемии 1921 года срок жизни жертв легочной чумы составлял 1–8 дней. Бубонная чума является одной из наименее заразных форм заболевания во время эпидемии. Дыхание остается незатронутым, и пациент обычно умирает или выздоравливает раньше, чем в его крови успевает скопиться достаточно большое количество бактерий, чтобы она стала источником заразного материала для блохи. Легочная чума, пожалуй, самая заразная; она атакует легкие, так что начинается кровохарканье, и бактерии чумы распыляются в воздухе при каждом вздохе пациента.

Херст заметил, что, если бы не было известно, что они имеют общий источник и связаны между собой промежуточными формами, легочная чума и неосложненная бубонная чума могли бы показаться разными болезнями. Связь меж-

ду этими двумя формами обнаруживалась в тех случаях, когда у жертв бубонной чумы развивалась еще и пневмония. Этот тандем, хотя и представлял чрезвычайную опасность для жертвы, обычно не был заразен. Тем не менее в определенных случаях он мог становиться таковым. Самый главный вопрос Черной смерти, как и любой другой эпидемии чумы, заключался в том, какие факторы этому способствуют, что провоцирует эпидемию легочного варианта болезни.

«Что отличало чуму XIV века от более поздних случаев, так это то, что во время своего достаточно медленного распространения по Европе она, по-видимому, плавно менялась со сменой времени года с легочной на бубонную». Едва ли можно винить средневекового доктора в том, что он считал этот процесс необъяснимым. Но даже если бы он его понял, то едва ли смог бы разобраться в нем до конца. Потому что по-прежнему оставались необъясненными те случаи, когда человек умирал в течение нескольких часов или, отправившись в постель в полном здравии, утром уже не просыпался.

По-видимому, не приходится сомневаться, что здесь работал третий вариант Черной смерти – септическая чума. Ее носителями, как и бубонной чумы, были насекомые. Разница в том, что основная тяжесть инфекции приходилась на кровь, которая в течение одного-двух часов уже кишела бактериями. Жертва умирала гораздо раньше, чем успева-ли сформироваться бубоны. Именно в распространении этой формы чумы могла активно участвовать человеческая блоха

Pulex irritans. Кровь больного была так сильно насыщена бактериями, что блоха могла с легкостью заразиться сама и передать болезнь новой жертве без непременною участия крысы как свежего источника заразы. Септическая чума, должно быть, являлась самой редкой из трех вариантов болезни, составлявших Черную смерть, но она была определенно такой же смертельной, как ее легочная кузина, и предоставляла еще один способ, которым чума могла обосноваться на новой территории и стремительно распространяться среди ее обитателей.

Глава 2

Ситуация в Европе

В книге такого объема было бы чересчур амбициозным пытаться дать какой-либо серьезный анализ экономического и социального состояния Европы середины XIV века. Однако что-то сказать необходимо, поскольку обстоятельства, сложившиеся на континенте, и ментальное состояние его обитателей являются одним из наиболее важных факторов при рассмотрении воздействия на него Черной смерти. «Чума XIV века, – писал Мишон²³, – не отличалась от тех, которые ей предшествовали или следовали за ней. Она убила больше людей, не по своей природе, а из-за тех условий, в которых болели ее жертвы, и того рабского состояния, в котором она их застала». Ни один из тех, кто изучал сокрушительные удары, нанесенные Черной смертью богатым и бедным, молодым и старым, сильным и слабым, не мог принять то, что это была просто еще одна эпидемия, такая же, как и все прочие. Однако это не повод отвергать суждения Мишона как досужие разглагольствования.

На протяжении XI, XII и первой половины XIII века Европа переживала период сильного и почти непрерывного

²³ Мишон Жан-Ипполит (1806–1881) – французский священник, археолог, основоположник графологии.

экономического роста. Позже некоторые историки задавались вопросом, действительно ли, по меньшей мере, в Англии «золотой век» высокого средневековья был таким впечатляюще благополучным, как это принято считать. Конечно, можно назвать секторы экономики, которые отставали от остальных, и определенные территории, преуспевавшие меньше других. Но в целом то, что профессор Набхольц описывает как «удивительное единообразие условий во всем регионе», подтверждает, что рост был всеобщим и ни одна из частей Европы не осталась в стороне.

В течение двух столетий, предшествовавших середине XIII века, лицо Европы значительно изменилось, и это изменение было к лучшему. Крестовые походы дали выход воинственным стремлениям ее обитателей, и это время было относительно спокойным. В условиях непривычной безопасности процветало крестьянство. Фруассар²⁴ с удовлетворением писал: «Le pays gras et plentureux de toutes choses... les maisons pleines de toutes richesses...»²⁵ Земля в долинах Рейна и Мозеля в конце XIII века стоила в 17 раз дороже, чем в начале X века, в то время как старая привычная арендная плата оставалась почти без изменения. Быстрыми темпами шла колонизация, иными словами – захват неиспользуемых

²⁴ Фруассар Жан (1333 или 1337 – ок. 1405) – французский историк, писатель и поэт XIV в., автор знаменитых «Хроник», важнейшего источника по истории начального этапа Столетней войны.

²⁵ Земля жирна и изобилует всем, чем угодно... дома полны всякого богатства... (фр.)

земель на холмах, в низинных торфяниках и лесах. К 1300 году площади обрабатываемых земель в Центральной и Западной Европе достигли значений, с которыми они не могли даже сравниться в течение следующих 500 лет.

Главной движущей силой этой колонизации было, конечно, давление увеличившегося населения на существовавшие ресурсы. К середине XIII века Европа начала становиться ощутимо перенаселенной. Плотность населения в районе Пистойи, составлявшая 38 человек на квадратный километр, была высокой по стандартам любой сельской местности, но вовсе не считалась чем-то необычным для средневековой Тосканы. Население этой провинции, вероятно, доходило до 1–1,8 миллиона человек – значение, которого оно впоследствии снова достигло только в XIX веке. Быстрый рост населения начался с середины XI века. Производство продовольствия тоже росло, но этот рост даже не приближался к росту населения. Средневековые технологии в сельском хозяйстве, видимо, были недостаточно развитыми, потому и разрыв между спросом и предложением увеличивался. Тосканский крестьянин, уровень жизни которого никогда не превышал необходимый для выживания, теперь обнаружил, что близок к тому, чтобы опуститься еще ниже.

Тоскана была далеко не единственной. Во Франции «многие районы снабжали такое же большое или близкое к нему количество жителей, как в начале XX века». В регионе Уазан, к юго-востоку от Гренобля, в 1339 году проживало око-

ло 13 000 человек, а к 1911-му общая численность населения выросла всего до 13 805. В окрестностях Нёфбура население, составлявшее около 3000 человек в 1310 году, в конце 1954-го достигло 3347. В окрестностях Эллоу в Фенденде плотность населения в 1260 году была такой же, как в 1951-м. В некоторых местах, в частности в Артуа, во Фландрии, в Шампани и в областях Западной Германии решение проблемы роста населения искали в развитии промышленности. В целом в Западной Европе больше не было диковинной редкостью разрастание деревень и их превращение в поселки и города с количеством жителей 10 000—20 000 человек. Но поток, перетекавший в города, был лишь малой частью растущего населения сельской местности.

До тех пор, пока для растущего населения имелась неиспользуемая земля, которую можно было с легкостью взять и ввести в оборот, чтобы произвести больше продовольствия, неразрешимых проблем не существовало. На определенных территориях – Нижний Прованс, Каталония, Швеция и Шотландия – такая ситуация сохранялась даже в XIV веке. В Европе, если рассматривать ее целиком, даже в 1350 году имелось довольно большое количество недостаточно развитых малонаселенных территорий. Но в местах с большим количеством населения, откуда крестьяне не могли или не хотели уходить, конец XIII века стал периодом острого кризиса. Оставшиеся леса ревностно охранялись, горы не сулили потенциальному фермеру надежд на богатый урожай. Произво-

дительность падала по мере того, как эрозия почвы, нехватка удобрений, невозможность оставить землю под паром или производить ротацию культур на основе научных знаний лишали усталую землю плодородия.

Население стремительно росло, нужно было кормить все больше и больше ртов, и разрыв между доступным количеством продовольствия и спросом на него становился все шире.

Афоризм Тэна²⁶ о старом режиме «Народ похож на людей, идущих через пруд, где вода доходит им до ртов; если грунт на дне немного осядет или повысится уровень воды, они потеряют опору и утонут» можно применить и к средневековым крестьянам. При этом осадка грунта в Европе XIV века была скорее правилом, чем исключением. Самую главную роль в бедствиях, обрушившихся на Европу в течение 70–80 лет, предшествовавших эпидемии Черной смерти, сыграл климат. Сильное похолодание привело к резкому наступлению ледников, как полярных, так и альпийских. Из-за проливных дождей поднялся уровень Каспийского моря. Пострадало и практически прекратилось производство зерновых в Исландии и вина в Англии; в Дании и Провансе сократились площади выращивания пшеницы.

Но самыми тяжелыми последствиями стала целая серия катастрофических неурожаев. В Англии голодными были

²⁶ Тэн Ипполит (1828–1893) – французский философ-позитивист, историк, писатель.

1272, 1277, 1283, 1292 и 1311 годы. Между 1315 и 1319 годами бедствия нарастали. Почти каждая страна Европы полностью лишилась одного урожая, а часто двух или трех. Нехватка солнца препятствовала производству соли из-за испарения и, таким образом, еще больше усложняла хранение мяса. Даже если еды было достаточно, чтобы сделать запасы, возможности для этого отсутствовали. В Англии цена на пшеницу выросла больше чем вдвое. Канибализм стал обычным делом. Как писал один хронист, бедняки ели собак, кошек, голубиный помет и даже собственных детей. В Ипре от голода умерло 10 % населения. Но это был не конец. 1332 год стал очередным катастрофическим годом для зерновых, а положение периода с 1345 по 1348 год, похоже, было несчастливым в любом веке.

Таким образом, до прихода Черной смерти большая часть Европы переживала упадок или, по меньшей мере, остановку развития. Колонизация прекратилась даже там, где имелись пустующие поля, доступные для освоения. «Drang nach Osten» выдохся на границах Латвии и Литвы. В торговле тканями во Фландрии и Брабанте наступил застой. Крупные ярмарки в Шампани, как показатель экономического здоровья большого процветающего региона, переживали заметный упадок. Цены на сельскохозяйственную продукцию падали, земледелие перестало быть легкой дорогой к благополучию, которой оно было двести лет перед этим. Иными словами, Европа переросла свои силы и теперь страдала от

физического и ментального нездоровья, которое неизбежно следует за резким рывком прогресса.

Насколько этот упадок отразился на падении численности населения, можно только гадать. Голод такого масштаба, который пережила Европа, должен был как минимум остановить лихорадочный рост предыдущих двух веков. Возвращение из окраинных земель, начавшееся уже к 1320–1330 годам в верхнем Провансе, центральном массиве Франции, в Германии к западу от Вислы и в некоторых областях Англии, позволяет предположить, что в этих областях упадок должен был начаться задолго до прихода Черной смерти. И хотя есть очень мало или совсем никаких свидетельств о серьезной депопуляции, нет причин сомневаться, что голодных месяцев почти во всех густонаселенных местах Европы было достаточно много, чтобы исчерпать возможности снабжения продовольствием. Эта нехватка усугублялась смятением, вызванным войнами и гражданскими беспорядками, поразившими крупные области Франции, Испании и Италии. Непосредственное количество жертв среди населения могло быть не очень большим, но разорение полей, разрушение домов и нарушение течения сельской жизни серьезно снижало производство в то время, когда увеличение поставок продовольствия было необходимо, как никогда. Таким образом, в середине XIV века хроническая перенаселенность сделала невыносимым существование многих, если не большинства, европейцев. Весьма заманчиво сделать еще шаг вперед

и увидеть в Черной смерти ответ природы на проблему перенаселенности, мальтузианское решение чрезмерной плодovitости предшествующих веков. Рассматривая книгу Жоржа Дюби²⁷, профессор Постан²⁸ отметил, что в этой книге его «особенно порадовали пассажи, где депрессия XIV века представлена как следствие, возможно, даже возмездие за непомерную экспансию предшествующей эпохи». С его точки зрения, Черная смерть – это возмездие, поджидавшее население, которое слишком долго и слишком быстро плодилось, не обеспечив себя ресурсами, необходимыми для подобного расточительства. Слихер Ван Бат²⁹ приписывал высокий процент смертей от Черной смерти во многом длительному недоеданию, которое стало следствием слишком быстрого роста населения. Если бы не было чумы, утверждал он, население, согласно законам природы, должно было бы уменьшиться какими-то другими способами.

Но, рассуждая таким образом, не следует заходить слишком далеко. Потому что общепризнанным в любом случае является тот факт, что средневековое сельское хозяйство было не способно обеспечить существовавшее на тот период население. Впрочем, некоторые авторитеты утверждают, что оно могло без особого труда накормить гораздо больше лю-

²⁷ Дюби Жорж (1919–1996) – французский историк-медиевист.

²⁸ Постан Майкл Моисей (1899–1981) – британский историк-медиевист.

²⁹ Ван Бат Слихер (1910–2004) – нидерландский историк, в частности, историк сельского хозяйства, медиевист.

дей. Но если у природы не было необходимости уменьшать численность населения, то мальтузианские аргументы отпадают. И даже если согласиться с тем, что к середине XIV века население Европы превысило свою обеспеченность продовольствием, по-прежнему трудно объяснить, почему оно продолжило уменьшаться еще пятьдесят лет или даже больше. Контроль сработал, голодные месяцы остались позади, и даже самые фанатичные мальтузианцы едва ли могли бы настаивать, что процесс должен продолжаться.

Элизабет Карпентер с присущим ей блеском подытожила эти противоречия: «Была ли Черная смерть злом, ставшим необходимостью в ходе неизбежной эволюции, или это была трагическая случайность, вмешавшаяся в нормальный ход событий?» Но правильная постановка вопроса вовсе не гарантирует получение ответа. На самом деле в истории Средних веков иногда кажется, что чем точнее поставлен вопрос, тем вероятнее, что ответ не последует. Так и в данном случае определенно однозначного ответа нет и не будет. С уверенностью можно сказать лишь, что во многих частях Европы в XII и XIII веках население росло с необычной скоростью; что этот рост явился важным, хотя ни в коем случае не единственным фактором, который привел к массовому недоеданию; что недоедание стало дополнительной причиной высокой смертности во время эпидемии чумы и что в результате этой эпидемии население сократилось до более приемлемого количества. Это незатейливое заключение оставляет откры-

тыми многие волнующие вопросы в отношении того, что было причиной, а что – следствием; что было слепым случаем, а что – неумолимым ходом природы. Для будущих поколений историков было бы спокойней знать, что эти проблемы существуют, а нас могло бы отрезвить, что, даже если бы мы смогли триумфально закрыть это досье, дав окончательный ответ, наши дети и внуки вскоре открыли бы его снова.

Каким бы ни был чей-либо тезис относительно неизбежности Черной смерти, невозможно отрицать, что в Европе чума столкнулась с населением, которое было чрезвычайно плохо подготовлено к тому, чтобы противостоять ей. Вовлеченный в войны, ослабленный плохим питанием, измученный борьбой за то, чтобы обеспечить себя за счет слишком малого количества неуклонно терявшей плодородие земли, средневековый крестьянин был готов сдаться еще до того удара, который на него обрушился. Но он представлял собой легкую добычу не только физически, но и был готов к катастрофе интеллектуально и эмоционально, готов был принять, если не сказать – приветствовать ее.

Несмотря на то что европейцы XIV века ясно сознавали, что почти ничего не понимают в болезни, которая их уничтожала, они как минимум были уверены, что знают главную причину своих страданий. Немногие тогдашние хронисты опускали тот факт, что чума была карой, ниспосланной Всевышним, возмездием за порочность тогдашнего поколе-

ния. Конрад де Мегенберг³⁰ в своей забавно еретической работе «Buch der Natur»³¹ был практически единственным, кто отвергал теорию божественной кары на том основании, что ни одно действие, столь неразборчивое по своим последствиям, не могло быть задумано Господом.

Было бы странно, если бы его мнение нашло много сторонников. Даже в материалистические и до определенной степени умудренные 1960-е годы апокалипсический образ мира, обреченного на уничтожение из-за своей глупости и порочности, никуда не исчез. Возможно, в Средние века творения рук человеческих заменил молот чумы, но оба способа можно интерпретировать как проявление непостижимых Божьих деяний.

И конечно, это было куда очевидней для доверчивых суеверных жителей Европы XIV века, не способных найти никакого естественного объяснения этому внезапному ужасному истреблению, слепо верящих в пламя ада и прямое вмешательство Бога в земную жизнь, которое так хорошо показано в Ветхом завете, когда города и целые народы были уничтожены внезапными вспышками божественного гнева. Им казалось само собой разумеющимся, что теперь они стали жертвами этого гнева. Подобно жителям Содомы и Гоморры, им предстояло умереть, расплачиваясь за свои грехи. «Рас-

³⁰ Конрад Мегенбергский (1309–1374) – немецкий католический ученый и писатель.

³¹ «Книга природы» (нем.).

скажи, о Сицилия и многие другие острова в море, о Божьем суде! Признайся, о Генуя, что ты сделала, раз мы, живущие в Генуе и Венеции, обречены принять кару Господню!»

Европейцев обуяла уверенность в собственной вине. Они не знали, в чем именно заключалась эта вина, но выбор вариантов был достаточно широк. Разврат, алчность, упадок церкви, непочтительность рыцарского сословия, жадность королей, пьянство крестьян. Каждый порок мог быть проклят согласно предубеждению проповедника и назван последней каплей, переполнившей чашу Господнего терпения.

Английский хронист Найтон³² писал:

«В те дни было много разговоров и возмущения среди людей, когда почти в каждое место, где проводился турнир, приезжал отряд женщин – словно они хотели присоединиться к состязанию, – одетых в самые роскошные мужские костюмы. Обычно на них были туники, окрашенные в несколько цветов, один цвет или рисунок на правой стороне, другой на левой, с капюшоном и завязками, похожими на веревку вокруг шеи, и поясами, богато украшенными золотом и серебром. Известно, что они даже носили такие ножи, которые по-простому называют „кинжалами“, в футлярах, висевших наискосок через плечо. Они приезжали на место состязаний на отборных боевых лошадях или других прекрасных конях. Там они тратили или скорее транжирили свое достояние и

³² Найтон Генрих (ум. 1396) – монах-августинец из Лестера, церковный историк.

утомляли свои тела дурачествами и бессмысленной буффонадой... Но Бог для такого случая, как и для всех других, прислал чудодейственное лекарство...»

Найтон был своего рода консерватор. Хотя многие другие могли проклинать тогдашнюю моду, лишь некоторые назвали бы Черную смерть «чудодейственным лекарством», поскольку верили, что Бог слишком умерен в своем возмездии, чтобы убивать большинство, желая наказать немногих за их экстравагантность. Но убеждение Найтона в аморальности той эпохи было широко распространенным. «Эта чума была из-за одного только греха», – просто и грустно заключил Ленгленд³³. Никто из тех, кто верил, что чума – это наказание Господне, не считал, что оно не соответствует преступлению. Воля Господа должна быть исполнена, его месть должна найти исход, а человек должен покорно принять это. Сомневаться в Его справедливости было бы очередным и еще более страшным грехом, за которым последовало бы очередное наказание свыше.

Оглядываясь назад, жертвы Черной смерти видели множество предзнаменований, которые должны были предупредить их о намерениях Бога. Симон де Ковино отмечал густые туманы и тучи, падающие звезды и порывы горячего ветра с юга. Над папским дворцом в Авиньоне стоял столб огня, а в небе над Парижем видели огненные шары. В Венеции от сильного дрожания земли без прикосновения рук че-

³³ Ленгленд Уильям (1332–1386) – английский поэт.

ловека зазвонили колокола собора Святого Марка. Все, что казалось хоть немного необычным, в ретроспективе объявлялось глашатаем чумы: выбросившийся на берег кит, особенно хороший урожай зерна или лесных орехов. Из хлеба, только что вынутого из печи, капала кровь. Иллюстрация того, как могла создаваться легенда, появилась во время более поздней эпидемии, когда на одеждах людей стали находить загадочные пятна крови. Последующие проверки показали, что пятна были вызваны экскрементами бабочек.

Небеса не только обеспечивали знамения того, что должно было произойти, они были инструментом, с помощью которого воля Бога превращалась в грозную реальность. В XIV веке астрономия, несомненно, являлась самой передовой ветвью систематизированного научного знания. Для тех, кто изучал звезды, при абсолютной невозможности объяснить, что происходит вокруг, было совершенно естественно экстраполировать то, что они знали, и на основании движения планет создать некий свод правил, позволяющий интерпретировать это движение, чтобы предсказывать события на земле. «Средневековый космический прогноз, – писал Сингер³⁴, – невозможно понять без осознания того, что аналогия, доведенная до крайности и не подтвержденная опытами и наблюдениями, была важнейшим интеллектуальным оружием того времени».

³⁴ Сингер Чарлз (1876–1960) – английский историк медицины, биологии и техники.

В XIV веке престиж астрологии, этого таинственного соединения астрономических исследований и полумагического созерцания кристаллов, был близок к своей наивысшей точке. Арабские астрономы создали теорию, согласно которой движения планет и их расположение в пространстве относительно друг друга определяют будущее человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.